

Цирк после молитвы

Израильская труппа «Батшева» показала шоу

с загадками

Неувядающая - 2004-10 нояб. - с. 8

Майя Крылова

Гастроли танцевальной компании «Батшева» на сцене концертного зала «Россия», видимо, обманули ожидания тех, кто купился на слова «шоу-балет» в рекламе. Нет, хореограф Охад Нахарин действительно сочинил шоу. Другое дело – какое именно. Зрелище под названием «Анафаза» решительно не похоже на эстрадный балет «Тодес», раскрученный «Риверданс» и тому подобное. Развлечение из Тель-Авива придумано интеллектуалом-эстетом не без легкого пижонства. Тут сплошные загадки. Неясно, космополитический ли это спектакль (на чем настаивает Нахарин) или израильский по духу (на что указывают много штрихов). И как воспринимать «Анафазу» – это концептуальный проект или пародия на него? А может, абсурдное варьете? Здесь кино показывают на голую женском теле, ритм выстукивают с помощью пластиковых бидонов из-под воды, а грохот барабанов предваряет иронически-«проникновенное» пение Нахарина – в своем балете он бубнит про любовь загробным баритоном, а нарочито примитивные слова песни высвечиваются на маленьких экранчиках.

Создатель балета обожает работать с семантическими оппозициями, предпочитая при этом находиться посередине, так сказать, в «розе ветров». Вследствие чего и зритель должен пребывать в межуточном эмоциональном состоянии, вплывая одновременно «силу и бессилие, усталость и элегантность, здравый смысл и сумасшествие». «Анафаза» – это чередование «быстрых» и «мед-

ленных» эпизодов: со сцены идет напористый драйв, расслабление и снова драйв. Как в бане зимой – сначала разогрелся, потом с размаху в снег. Во время такого «закаливания» публика, по замыслу, испытает букет разнообразнейших чувств, от восторга до негодования, а главное, поймет, что цель «Анафазы», как говорил хореограф, состояла в проверке понятия «преувеличение». Так, в общем, и было, хотя в иные моменты напор со сцены слабел и казалось, что вот этот прикол между танцами придуман только для того, чтоб исполнители могли отдышаться и переодеться. Все равно привычно созерцать, сидя в кресле, на «Анафазе» не удается: уж больно силен адреналин от эстрадно-спортивно-балетной техники израильских танцоров, например, их мастерские «касания без касаний», когда ладони проходят буквально в миллиметре от тела партнера, но не дотрагиваются до него.

Лепту в визуальное накопление «всего со всем» вносят костюмы – от пиджачных пар с котелками до шальных юбок «герлс» из мюзикла, то и другое – одежда для обоих полов. И танец – от одиночной женской медитации в память танцовщицков, погибших от СПИДа, до цунами сидящих и при этом двигающихся тел (танцовщицки, расположенные полукругом на стульях, так истово дергаются по очереди, раздвываясь на ходу до трупов, что воздушный вихрь швыряет на пол крайнего в ряду). Причем это самое «цунами», поставленное на религиозные еврейские песнопения в рок-обработке, одновременно и молитва, и кощунство: нарушая догму по форме, оно – исклю-

чительно своею неумной энергетикой – поддерживает традицию «веры от души» по существу. Нервно стискивать руки, до отказа сжимать лопатки (чтоб спина пошла «юзом»), с размаху садиться на шпагат, зримо колебать воздух копчиком и крутить на бедрах воображаемый хулахуп – чем не молитва телом?

После молитвы был цирк. Выходит на сцену некто клоунского вида, в блестках, со зловеще нарисованными черными «провалами» глаз, и начинает дразниться: «Все встаньте». – Встали. – «Кто не верит в реинкарнацию, можете сесть». – Некоторые сели. «Кто зарабатывает больше полумиллиона в год, сядьте» – сели почти все. Богатые, видно, пришли зрители. Благостно улыбаясь, оратор смешивал высокое с низким, предлагая встать тем, кто не понимает северит, знает, где находится север, не любит свою работу, родился в ноябре или готов умереть за кого-то. Дальше – больше. В зал спустились танцовщицки «Батшевы» и потащили на сцену зрительниц из зала, причем не только молодых. Зрелище напоминало «приколы нашего «Городка» из популярной телепередачи: седые бабушки и дамы большой комплекции, спроводированные на танец с профессионалами, попали в ситуацию, которая может и зажать, и раскрепостить, если человек способен перешагнуть через очевидную неловкость. Наши женщины оказались на высоте – они не стушевались и поиграли в дансинг, на лету схватывая переменчивые особенности момента. Зал хохотал и от души аплодировал. Все-таки шоу, как ни крути.